

Пятница

25.11.2005

87-119005 - с 25,40.

РЕЖИССЕР

Кама Гинкас:

«Я редко ободряюсь,
редко радуюсь»

Всемирно известный режиссер Кама Гинкас очень редко дает интервью и почти никогда не рассказывает о своей жизни. Специальному корреспонденту «Известий» Артуру Соломонову он рассказал о своем пребывании в гетто, об отношениях с учителем Георгием Товстоноговым и о том, как впервые встретился со своей будущей женой Генриеттой Яновской.

ИНТЕРВЬЮ

ИЗВЕСТИЯ: Язык, на котором вы сказали первые слова, — идиш?

Гинкас: Да. Мне было шесть недель, когда я оказался в гетто. Когда было два года, мои родители убежали отсюда со мной. Нас прятали литовцы, которые смертельно рисковали: я картывил, был очень любопытен, первым бежал открывать дверь и входившего немецкого офицера однажды спросил «Вос?». Это на идиш означает «Что?»

ИЗВЕСТИЯ: Он мог принять это за «Was» и порадоваться, что маленький литовец изучает немецкий.

Гинкас: Вот-вот, черненький какгтавий двухлетний «литовец» торопится учить немецкий (смеется)... Мы недавно были на гастролях со спектаклем «Скрипка Ротшильда» в Каунасе, откуда я родом. Это были особые гастроли. Свой спектакль я привез в город, где меня спасали и где меня, моих родителей и мой народ убивали, расстреливали, уничтожали. Около Каунаса лежат тридцать пять тысяч расстрелянных евреев. Среди них — моя бабушка, мой дядя и

воплне могли бы лежать я, моя мама, мой папа, но Бог и отчаянно смелые люди спасли нас.

Потом из этого же города, когда началось «дело врачей», моего отца-врача и всю нашу семью должны были вывезти в Биробиджан... Обошлось: папа уехал в Вильнюс, а Сталин умер.

Я очень люблю Литву, а Каунас — самый литовский город. Спектакль «Скрипка Ротшильда» имел удивительный успех. Весь зал с последними звуками спектакля, все семьсот человек в одно мгновение вскочили на ноги и долго, неистово скандировали. И знаете, в этих восторженных аплодисментах было слышно еще что-то... Объясню: незадолго до гастролей президент Литвы отказался ехать в Москву на 9 Мая, а литовский народ, как ни странно, его не поддержал. Значит, в данном случае я, артисты, наш спектакль представляли Россию. А может быть, и другое: этот Гинкас — наш, каунасский еврей, который чудом спасся, и это мы его спасли. Вот что кроме

благодарности за художественное впечатление было слышно в овациях.

На спектакль, конечно, пришли мои бывшие одноклассники, однокурсники. Вдруг открывается дверь, входит человек моего возраста и улыбается мне. Я понимаю, что это кто-то из одноклассников, которого я почему-то не могу узнать, и радостно улыбаюсь в ответ. Меня спрашивают: «А вы знаете, кто тот человек, с которым вы здороваетесь?» — «Нет». — «В его коляске вас вывезли из гетто». Вот так. Такая встреча... Он был тогда годовалым ребенком, а я — двухлетним. В их доме мы переночевали, когда бежали из гетто. Его мать и отец дали моим родителям коляску, в которой меня и вывезли.

ИЗВЕСТИЯ: Исходное событие вашей жизни — пребывание в гетто, побег из него — не может не отражаться на вашем творчестве. → стр. 25

